

СЛАДКОЕ БРЕМЯ ТРАДИЦИЙ

Нуриевский фестиваль классического балета в Казани

Андрей Хрипин

БАЛЕТНЫЙ фестиваль, ежегодно проходящий в столице Татарстана с 1987 года, не сразу получил имя самого гениального после Нижинского русского танцора. А дело было так. В ноябре 89-го Нуриев, уже завершивший активную балетную карьеру, приехал в СССР (полулегально, так как уголовная статья об измене родине еще не была отменена), чтобы танцевать в Мариинском театре Джеймса в «Сильфиде». Отправился в Петербург и директор Казанского театра оперы и балета Рауфаль Мухаметзянов. Результатом встречи стало приглашение выступить в Казани в любое удобное время и в любом амплуа. Директор из Казани умеет убеждать, и выдающийся танцовщик тоже, видимо, почувствовал, что этому человеку можно смело довериться. Нуриев выбрал дирижерскую палочку. «Не сидеть же дома и раскисать от старости как квашеная капуста, а дирижеры долго живут», — говорил он. Кроме того, Нуриеву хотелось посетить город, где родилась его мать, Фариды-апа, которая всегда защищала мальчика от отца, кадрового военного, запрещающего маленькому Рудифу даже мечтать о сцене.

И вот 21 мая 1992 года на Шестом фестивале в Казани Нуриев стал дирижером. Шел «Шелкунчик» с Надеждой Павловой. Листая подборку рецензий на тот сенсационный спектакль, обнаруживаешь занятную фразу одного критика, который задается вопросом, «зачем понадобилось Рудольфу Нуриеву экспериментировать с темпами и контрапунктом», и сам же отвечает, что, мол, у великих свои причуды. Рудольф Хаматович разрешил фестивалю носить его имя, хотел вернуться в Казань, но увя... И все-таки Нуриев или Нуреев, спросит дотошный читатель, встречающий в разных изданиях оба варианта. Как правильно? Сам маэстро танца объяснял разночтение так: во всех метриках и документах он записан с буквой «е», однако весь мир пишет и знает его через «и».

Татарский балет — труппа особая. Это театр-музей, где в соответствии с подлинником строго восстановлены шедевры мировой классики. Это и театр-гастролер, проводящий в зарубежных турне больше трех месяцев в году, и театр гастролеров, выступающих нередко даже в самых рядовых спектаклях по ходу сезона. Контакты с западными импресарио принимают все более цивилизованные формы, и это стимулирует творческий и технический рост артистов — короче говоря, художественный руководитель балета, в прошлом ведущий характерный танцовщик театра Владимир Яковлев вместе с квалифицированной командой репетиторов может гордиться результатами неустанной работы. В казанских спектаклях всегда очень крепкая кордебалетная и «корифейская» основа, она как фундамент, на котором возводятся свои замки приглашенные звезды.

Фестивальный ажиотаж в российских регионах имеет, как и все на этом свете, свою изнанку. Любый из существующих ныне фестивалей (оперных ли, балетных, драматических) рискует рано или поздно стать скучным будничным явлением — не секрет, что от хорошей традиции до рутины один шаг. Театр имени Мусы Джалиля всеми силами пытается сопротивляться микробу инерции. Не без труда, но праздник пока удается. Возможно, в будущем театр захочет внести что-то новое в принципы проведения фестивалей и в его художественную палитру, а пока нуриевская неделя выжимает энергию из хорошо проверенного старого. Издержки несколько экстенсивного подхода к фестивальной идее продемонстрировал Четырнадцатый фестиваль. Обычная ставка на крупнокалиберных солистов из обеих столиц (за эти годы в Казани танцевали Г.Комлева и Н.Долгушин, Е.Максимова и В.Васильев, Л.Кунакова, К.Кырб, Т.Чернобровкина, Н.Ледовская, В.Кириллов, Н.Грачева,

Таким Нуриев вернулся.
Фото Натальи Разиной

Ю.Махалина, У.Лопаткина, И.Либа...) нынче привела к тому, что из-за невозможности этих самых звезд приехать именно в это самое время исполнительский уровень фестиваля оказался на порядок ниже обычного. (С другой стороны, можно возразить, что если не дать молодым шанс, они никогда не станут мастерами.) Другая проблема заключается в том, что из года в год афиша выглядит почти что неизменно, за исключением деталей, разумеется. Новыми названиями репертуар пополняется достаточно редко. И уж чего нет совсем, так это новых хореографических текстов, новых версий старой классики.

Старт Четырнадцатого Нуриевского был небезысльный и, что называется, с раскочкой. Сильно сокращенная «Спящая красавица» казалась, увы, лишь бледной тенью петербургского великолепия, чему немало способствовала бедность сценографии (Лев Солодовников) и в меньшей степени костюмов (Елизавета Дворкина). Южнокорейская балерина Бэ Джу Юн существовала в спектакле на уровне более или менее аккуратного выполнения текста, ее Аврора была по-спортивному уверена, но пуста и холодна, без какого то бы ни было внутреннего излучения, которое так необходимо в столь харизматической партии. Заметный личностный рост продемонстрировал Константин Иванов из Большого театра, танцовщик благородного лирического склада и по совместительству новоиспеченный руководитель балетной школы у себя на родине в Йошкар-Оле — жаль только, что статично-примитивный образ кукольного принца Деэри в принципе не позволял раскрыться в полной мере. Малоудачным вышел казанский дебют солистки Петербургского театра имени Мусоргского Ирины Кошелевой в качестве Феи Сирени — то ли от испуга, то ли от неумения балерина нетвердо стояла на пуантах и наделала бесчисленное количество технических ляпов, не говоря уже о некрасивых линиях и образной нейтральности.

В «Лебедином озере» танцевала Дарья Павленко из Мариинки. О

ней сейчас много разговоров, авансы льются рекой. А на деле оказалось, что балерина не готова даже к тому, чтобы актерски обозначить контраст между черным и белым лебедем. Техническая форма, в которой Павленко предстала в Казани, тоже вызвала сомнения — почти все сложные элементы и фуэте черного акта были исполнены с большим скрипом. Преодолением проблем физического порядка был занят и питомец московского касаткинского балета, а ныне мариинский премьер Данила Корсунцев. Что касается образа, то его Зигфрид больше напоминал тинейджера-лоботряса, чем высокородного принца, кроме того, все мимические эпизоды и «зоны молчания» артист превратил в набор формальных «дурацких» поз и жестов. В сумме дуэт получился странным и нелепым — пока что оба прошли мимо «Лебединого озера», но молодость внушает надежду. Тем более что помнится полноценное выступление Корсунцева в «Шелкунчике» в той же Казани несколько лет назад, а Павленко действительно здорово танцевала в «Среднем дуэте» Ратманского.

Больше, чем Чайковскому, повезло Прокофьеву. «Ромео и Джульетта» в постановке Бориса Мягкова — спектакль спорный, но смотрится на одном дыхании. Балетмейстер использовал текст Леонида Лавровского, однако значительно усилил комические и жанровые мотивы, не забыв при этом более подробно проработать психологические контакты героев. Добрых слов заслуживает работа художников Анны и Анатолия Нежных. Казанская прима Елена Щеглова — трогательная, но несколько более взрослая, чем хотелось бы, Джульетта — составляла славенный дуэт с лучшим новосибирским принцем Владимиром Григорьевым, который акцентировал в Ромео мягкость, теплоту и лирическую созерцательность. Роль свирепого Тибальда позволила блеснуть импульсивному темпераменту Бахытжана Смагулова, эффектной леди Капулетти была Луиза Мухаметгалеева.

Приятное изумление вызвало качество оркестрового сопровожде-

ния. В руках главного дирижера Игоря Лацанича казанский оркестр творил настоящую музыку по всем законам симфонического развития. Достоинство провел свои спектакли и второй дирижер — Владимир Васильев.

Момент истины наступил, когда на сцену в одной из фирменных своих ролей вышла мариинская дива Светлана Захарова. Ее Жизель сделана ювелирно — можно снимать крупные планы для кино. Каждое движение осмысленно и мотивированно, никаких штампов. Мистическим холодом отзывались мощные прыжки Мирты — Оксаны Кузьменко из Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Между этих-то двух полюсов и затерялся анемичный Альберт Евгения Иванченко из Мариинского театра. В вечере одноактных балетов стоило посмотреть киевлянку Татьяну Боровик в «Кармен-сюите» и казанца Дениса Муруева — Пана в «Вальпургиевой ночи». В «Дон Кихоте» солировали молодые Оксана Кучерук и Роман Михалев из Театра Мусоргского, в «Шелкунчике» — солисты Лейпцигского балета итальянка Глория Григолато и Андрей Васильев, которые вскоре отпразднуют свою свадьбу. Завершался фестиваль козырным тузом казанского балета — «Баядеркой», Никию танцевала полюбившаяся всем Татьяна Боровик, Гамзатти — Элла Тарасова из Мариинки, Солора — Артем Дашишин из Национальной оперы Украины. На десерт был гала-концерт, в котором ни одно из многочисленных па-де-де не повторило спектакли пройденного фестивального марафона; в качестве экспериментальной новинки выступил московский «Графический балет». Так, может быть, сочетание старой классики с современным классическим танцем и станет одним из тех плодотворных импульсов, который сможет вывести Нуриевский фестиваль на новые берега? Маленькая эстетическая революция никогда не помешает. Вопрос лишь в том, нужна ли она театру.

Казань—Москва

1.6.2000.

Нуриев Рудольф
(фестиваль)